

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.019

УДК 94(47)»18/19».084

ББК 63.3(2)53–283.2,8

Ю.В. ВАРФОЛОМЕЕВ
Е.Н. РИЗАЕВА**«ИМЕНА, ЗНАКОМЫЕ С РАННЕГО
ДЕТСТВА...»: В.А. ПЫПИНА
О ВЫДАЮЩИХСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ
СТОЛИЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**YU..V. VARFOLOMEEV
E.N. RIZAYEVA**«NAMES FAMILIAR SINCE EARLY
CHILDHOOD ...»: V.A. PYPINA ABOUT
THE OUTSTANDING REPRESENTATIVES
OF THE CAPITAL INTELLECTUALS**

Статья посвящена исследованию малоизвестных сторон жизни и морально-психологических качеств выдающихся представителей столичной интеллигенции поздней имперской России: супругов И.М. и М.А. Сеченовых, историка В.С. Соловьева и композитора М.А. Балакирева. Авторы проводят историко-психологический анализ личностей «первого плана» через призму, в первую очередь, неопубликованного эго-источника — дневниковых заметок дочери академика А.Н. Пыпина, двоюродной племянницы Н.Г. Чернышевского Веры Александровны Пыпиной, которые она вела на протяжении нескольких лет. Эти мемуары представляют собой уникальные, яркие, живые воспоминания современницы о выдающихся людях, которые были частыми гостями в доме ее родителей, завсегдатаями «Веймарского кружка», а также «Вторников» В.А. Пыпиной и Ф.Г. Беренштама. Представленный авторами исследовательский материал дополняет уже имеющиеся личностные характеристики известных представителей отечественной интеллигенции — И.М. и М.А. Сеченовых, В.С. Соловьева и М.А. Балакирева.

The article is devoted to the study of little-known aspects of life and moral and psychological qualities of the outstanding representatives of the metropolitan intellectuals of late Imperial Russia: the spouses I.M. and M.A. Sechenovs, the historian V.S. Solovyov and the composer M.A. Balakirev. The authors conduct a historical and psychological analysis of the personalities of the «first plan» through the prism, first of all, of an unpublished ego source — diary notes of the academician A.N. Pypin's daughter, the niece of N.G. Chernyshevsky Vera Alexandrovna Pypina, that she kept for several years. These memoirs are unique, bright and vivid memories of the contemporary about outstanding people who were frequent guests at her parents' house, regulars of the «Weimar Circle», as well as «Tuesdays» by V.A. Pypina and F.G. Berenstam. The research material presented by the authors complements the already existing personal characteristics of famous representatives of the Russian intelligentsia such as I.M. and M.A. Sechenovs, V.S. Solovyov and M.A. Balakirev.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: И.М. и М.А. Сеченовы, В.С. Соловьев, М.А. Балакирев, В.А. Пыпина, «Веймарский кружок», «Вторники».

KEY WORDS: I.M. and M.A. Sechenov, V.S. Solovyov, M.A. Balakirev, V.A. Pypina, «Weimar Circle», «Tuesdays».

ВВЕДЕНИЕ. Обращение к исследованию малоизученных сторон интеллектуальной и культурной жизни русской интеллигенции, процесса и специфики формирования ее мировоззрения и выработки жизненной позиции в переломный период российской истории,

безусловно, сохраняет актуальность и представляет научный интерес. Исследование этой проблемы проводится на основе малоизвестных источников личного происхождения — дневников и воспоминаний, принадлежащих перу Веры Александровны Пыпиной, одной из ярких представительниц петербургской интеллигенции конца XIX — начала XX, дочери выдающегося русского ученого А.Н. Пыпина и двоюродной племянницы Н.Г. Чернышевского [10]. Своеобразие ее мемуарного нарратива состоит в том, что через замечательные зарисовки литературно-музыкальных вечеров в доме ее отца, а затем и «Вторников» в ее семье оживают и появляются новые оттенки в отображении образов выдающихся современников, среди которых, в частности, были: В.С. Соловьев, М.А. Бокова, И.М. Сеченов и М.А. Балакирев. Их всех объединяла любовь ко всему новому и живому в литературе, музыке, театральным постановкам и живописи — всему тому, что они находили в часы отдохновения и приятного общения в салонах А.Н. Пыпина и В.А. Пыпиной — Ф.Г. Беренштама.

ЦЕЛЬЮ СТАТЬИ стало исследование духовно-нравственных и психологических качеств выдающихся личностей — представителей российской интеллигенции поздней имперской России — М.А. Боковой, И.М. Сеченова, М.А. Балакирева и В.С. Соловьева.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе проведенного исследования задействован значительный корпус документов и архивных материалов. В качестве основного эго-источника использованы неопубликованные архивные документы — дневник и воспоминания В.А. Пыпиной. При подготовке статьи используются базовые методы исторического исследования, а также специально-исторические: проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный и историко-биографический. Учитывая специфику исследуемой темы, авторы акцентируют внимание на историко-антропологическом и микроисторическом подходах.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Старшая дочь Александра Николаевича Пыпина — Вера родилась 28 марта 1864 г. в семье выдающегося ученого, литератора и общественного деятеля, и уже самым этим фактом ей суждено было оказаться в среде многоликой и талантливой столичной интеллигенции поздней имперской России. Детские и юношеские годы запечатлели в ее памяти не только многоплановый, насыщенный интеллектуальной и культурной атмосферой образ жизни родителей, но и разнохарактерный круг выдающихся лиц эпохи, как правило, людей «первого плана». Жизненный уклад, и, прежде всего, семейные ценности стали для Веры Пыпиной, по ее выражению, «святым напутствием» [7, л. 114.].

Воспоминания юности открывают перед мысленным взором Веры «имена, знакомые с раннего детства...» [9, л. 1.], среди которых П.А. Ровинский, И.Е. Репин, В.С. Соловьев, П.Е. Щеголев, М.А. Балакирев, И.М. Сеченов, М.А. Сеченова-Бокова, С.В. Панина и многие другие представители русской интеллигенции. Это были друзья семьи ее родителей: матери — Юлии Петровны (урожд. Гурскалин) и отца — Александра Николаевича Пыпиных. Общение с выдающимися и неординарными людьми, которых она запросто встречала у себя дома, безусловно, оказало влияние на формирование мировоззрения и на выработку жизненной позиции. Они навсегда остались в памяти и сердце Веры, и с годами она все больше и больше осознавала их благотворное влияние на образ ее мышления и поступки.

Бывали моменты, когда в минуты грусти и ностальгии она открывала бережно хранимый десятилетиями семейный альбом с фотографиями и трогательными записями дорогих ей людей, вспоминая каждого. Очевидно, для нее эта визуальная встреча с прошлым и пробужденные этим эмоции и чувства были, прежде всего, источником вдохновения, который, как она признавалась, придавал ей силы. Думается, что через эту ретроспекцию рефлексировующего сознания она как бы сверяла свои жизненные «часы», особенно в трудные для себя моменты, и в период тяжелых испытаний в ее судьбе. Однако это не было банальным дежавю

силуэтов и образов некогда знакомых ей выдающихся людей. Возникающая таким образом в ее сознании реминисценция становилась не только интеллектуально-духовным переживанием, но и переосмыслением реальности через умственные и моральные практики прошлого.

Однажды, перебирая старые отцовские бумаги, Вера Александровна наткнулась на визитную карточку П.И. Бокова, домашнего врача и друга Н.Г. Чернышевского, на оборотной стороне которой была надпись: «П.И. Боков и И.М. Сеченов приглашают Чернышевского и Александра Николаевича по случаю окончания экзаменов Марии Александровны» [15, с. 718]. Любопытно, что Николай Гаврилович назван просто по фамилии, как было принято называть его среди друзей и близких, в то время как его младший двоюродный брат Пыпин — Александром Николаевичем. Веру заинтересовало это приглашение, и она пылливо принялась «раскручивать» этот сюжет, а параллельно дает пояснения и разъяснения возможному читателю своих мемуаров. Знакомство И.М. Сеченова и молодой слушательницы профессорских курсов медицинской академии Марии Боковой состоялось осенью 1861 г.: «я познакомился с двумя представительницами нового течения, серьезно и крепко зараженными на подвиг служения женскому вопросу <...> Как было не помочь таким достойным труженицам!» [13], — вспоминал ученый свою первую встречу с ней и ее подругой Н.П. Суловой. Жизненный выбор М.А. Боковой (урожд. Обручевой), быть независимой от воли родителей и иметь возможность получить высшее медицинское образование, который она сделала еще в юности определил ее дальнейшую судьбу. Для этого ей пришлось даже заключить фиктивный брак с домашним учителем студентом-медиком П.И. Боковым, поступившим в дом ее родителей по рекомендации Н.Г. Чернышевского. Так вот, 7 августа 1863 г. произошло действительно важное для будущей студентки событие — М.А. Бокова успешно сдала экзамен за курс мужской гимназии. Отметить именно этот радостный для них всех момент Сеченов и Боков пригласили своих близких знакомых — Н.Г. Чернышевского и А.Н. Пыпина. Вера Александровна, конечно, не могла быть свидетелем этих событий, но и ей приходилось слышать, что «Боков и Сеченов, т.е. история их отношений к Марии Александровне нашла отражение в романе Чернышевского «Что делать?». Когда она лично познакомилась с ними, то они давно жили *maritalement*¹», — вспоминала она [6, л. 56]. Послужил ли на самом деле «треугольник» П.И. Боков — М.А. Бокова — И.М. Сеченов основой для сюжетной линии романа Чернышевского, до сих пор вызывает полемику в научных кругах, сама Мария Александровна всегда болезненно и негативно реагировала на подобные ассоциации. Наверно, поэтому и В.А. Пыпина осторожно, не подтверждая его, упоминает об этом сюжете фразой «приходилось слышать...», и не более того.

Вера Пыпина хорошо помнила М.А. Бокову еще с детских лет. Однажды, когда та пришла к Александру Николаевичу, чтобы переговорить с ним о своей статье, то обратила внимание на сильно воспаленные глаза Веры. Являясь прекрасным специалистом-офтальмологом, Мария Александровна сразу определила заболевание глаз у девочки и предложила ее родителям: «Присылайте ко мне Веру каждый день после гимназии» [6, л. 57]. Несколько таких посещений возымели положительный эффект, и Вера с благодарностью потом вспоминала, что за зиму раздражение прошло, и это заболевание никогда больше ее не преследовало. Вера вспоминала, что они с младшей сестрой Наташей, пользуясь этим случаем, ежедневно бывали у Сеченовых. Жили они тогда у Большого проспекта Васильевского острова, рядом с доходным домом А.Ф. Юнкера. Вера вспоминает, что не без робости входили в большую, но очень скромно убранную гостиную с роскошной развесистой пальмой, которая была здесь единственным украшением. «В раскрытую дверь виднелся рабочий стол Ивана Михайловича, это была большая хорошо выструганная доска, укрепленная на двух козлах» [Там же], — мельком, и с любопытством разглядывали девочки кабинет знаменитого Сеченова.

1 *vivre maritalement* (фр.) — жить как супруги, сожительствовать

Хозяйка — Мария Александровна — «среднего роста, приятная лицом с простотою приветливо встречала девочек» [Там же]. Принимали юных гостей в просторной столовой. Сам Иван Михайлович сидел за самоваром и разливал чай. Этим любимым делом он неизменно занимался сам. Мария Александровна, проявляя особый такт, никогда не расспрашивала девочек о гимназии, о подругах, а только осведомлялась: здоровы ли все дома и приступала к лечению Вериных глаз. Она усаживала девушку перед окном, где освещение было лучше, промывала и прижигала ей веки. Вера, наблюдая за отношениями четы Сеченовых, подметила, что Иван Михайлович и Мария Александровна обращались друг к другу на «Вы», и в их взаимном общении чувствовалась какая-то совсем особенная глубина и «патриархальная важность» [Там же].

В доме Пыпиных часто собиралась молодежь и с энтузиазмом устраивала, как она записала, «немудреные театральные представления на доморощенном театре» [6, л. 58]. Вера Александровна с теплотой вспоминала один из подобных вечеров в одну из зим 1886–1887 гг., на который и пригласили супругов Сеченовых. Мария Александровна и Иван Михайлович всегда отзывались на такие приглашения и с удовольствием принимали участие и в интеллектуальных беседах столичной интеллигенции, и в молодежных литературных вечерах. «Все живое, новое захватывало Ивана Михайловича» [Там же]. Как раз в это время появилась пьеса Л.Н. Толстого «Власть тьмы», которую запретил к постановке на театральной сцене цензурный комитет. В этой ситуации, по совету друзей Льва Николаевича В.Г. Черткова и А.А. Стаховича, «Власть тьмы» с театральных подмостков перекочевала в импровизированные литературные салоны известных столичных домов и ходила по рукам в рукописи. Поэтому не случайно, что и в пыпинском «доморощенном театре» прозвучала эта драма. Читал ее не кто-нибудь, а сам Иван Михайлович Сеченов! «Читал он просто, без какой-либо претензии на художественность, но чтение это было чтением большого человека и глубоко, навсегда запавшего в душу» [6, л. 59], — вспоминала, тронутая проникновенным и искренним сеченовским прочтением этого произведения Вера Пыпина. Спустя годы она увидела постановку этой драмы на сцене, но узнала «Власть тьмы» только тогда, когда мысленно представила себе озвучание пьесы в интерпретации Ивана Михайловича [Там же].

В начале 1889 г. И.М. Сеченов вернулся преподавателем в свою альма-матер — на медицинский факультет Императорского Московского университета, и они с Марией Александровной покинули столицу и уехали в Москву. К сожалению, эта любимая в семье Пыпиных чета больше не посещала их гостеприимный дом. Эта вынужденная разлука, на наш взгляд, отзывалась грустью и в душе Сеченовых. Вера вспоминала, как Иван Михайлович трепетно, с особым вниманием и любовью относился к хозяйке дома — ее маме Юлии Петровне [6, л. 59]. Много позже, когда Вера Александровна бывала в Москве проездом и навещала Сеченовых, Иван Михайлович в который раз вспоминал о дорогих сердцу вечерах в доме Пыпиных. В своих «Автобиографических записках» он сухо и пунктирно зафиксировал созвездие своих петербургских друзей: «водил знакомство с семьей Анд. Ник. Бекетова, бывал у Дм. Ив. Менделеева, Фед. Фом. Петрушевского и проф. Поссе. Кроме того, познакомился с семьями Ал. Ник. Пыпина и Над. Вас. Стасовой» [13]. Но пусть нас не смущает такой «телеграфный» стиль его повествования. Как и в реальной жизни, так и в ее письменном изложении, он предстает скромным, по-деловому конкретным, но, безусловно, искренним и душевным. Обращает на себя внимание и то, что он «водил знакомство» именно «с семьей А.Н. Пыпина», а это свидетельствует как раз о том, что в круг его общения входил не только глава семьи Александр Николаевич, но и его жена Юлия Петровна, а также дочери Вера и Наталия.

Во время одного из московских визитов Иван Михайлович рассказал Вере Пыпиной о том, что Мария Александровна «получила деревню от матери» в имении Обручевых — в селе Клепенино Харинской волости Ржевского уезда Тверской губернии и устроила там школу кружевниц. Наряду с этим владелица имения, будучи высокопрофессиональным

медиком, безвозмездно врачевала местных жителей. Эта ее благородная миссия не осталась незамеченной на официальном земском уровне. Так, например, в октябре 1883 г. на одном из заседаний Ржевского уездного собрания, обсуждая состояние сельского здравоохранения, особо отметили ее заслуги на этом поприще: «В селе Клепенино проживает Мария Александровна Бокова, имеющая докторское звание и уже несколько лет оказывающая медицинскую помощь местному населению безвозмездно. Собрание выразило женщине-медику благодарность за ее полезный и безвозмездный труд...» [1]. В.А. Пыпина с теплотой вспоминала, что до последних дней жизни И.М. Сеченова она не раз еще бывала в гостях у той дорогой ее сердцу семейной пары.

После смерти родителей Вера Александровна стала хранительницей богатейшего архива отца и матери. Зная об этом, к ней нередко обращались за документами, рукописями, письмами, содержание которых проливало дополнительный свет в освещении жизни и деятельности того или иного выдающегося представителя русской интеллигенции. В частности, музыковед и музыкальный критик Г.Н. Тимофеев, будучи в свое время постоянным участником музыкальных вечеров у Пыпиных, работая над статьей, посвященной жизни и творчеству М.А. Балакирева [14], обратился за интересующими его сведениями к Вере Александровне, которые она ему любезно предоставила. Между тем, появление М.А. Балакирева на семейных литературно-музыкальных встречах Пыпиных произошло не как обычно — через знакомство с главой семьи Александром Николаевичем, а через его жену — Юлию Петровну. Ее отец Петр Иванович Гурскалин был владельцем столичной музыкально-издательской фирмы «Одеон», которая издавала произведения М.И. Глинки, и вполне объяснимо, что и его дочери Мария и Юлия проявляли большой интерес к музыке.

Познакомила Юлию Петровну с Балакиревым ее сестра Мария. Воспользовавшись этим знакомством, Ю.П. Пыпина попросила известного композитора помочь ей в совершенствовании игры на рояле. Маэстро «отнесся к ней очень внимательно» и согласился давать уроки. «Немаловажную роль в сближении Балакирева с этой семьей сыграла хозяйка дома — Юлия Петровна Пыпина. <...> Благодаря сочувствию, пониманию и приветливости, встреченной у нее Балакиревым, он начинает чаще бывать в этой семье» [2], — подчеркивает М.Г. Иванова. Вера Пыпина очень хорошо запомнила свою первую встречу с выдающимся композитором, лидером знаменитой «Могучей кучки». После уроков с Юлией Петровной композитор ко всеобщему удовольствию играл на рояле. «Все большее число слушателей и слушательниц стало собираться у нас в дни приезда «маэстро». Ко второй половине 80-х годов это был уже сплоченный, хорошо знакомый Милию Ал<ексееви>чу и приятный ему кружок» [12, л. 7], — констатировала В.А. Пыпина.

Этот «сплоченный и приятный» композитору кружок получил странное, на первый взгляд, название — «Веймарский». С.Н. Лалаева, постоянная участница этих музыкальных вечеров, в своих мемуарах раскрыла интригу появления такого необычного названия кружка. Как оказалось, 22 октября 1890 г. в день рождения Ф. Листа, Балакирев устроил музыкальный вечер в память о любимом композиторе, на котором присутствовал и барон Мейндорф, сын княгини О.М. Горчаковой, страстной поклонницы Ференца Листа. В этот вечер «Милий Алекс<еевич> играл просто вдохновенно и привел всех в восторг, особенно Барона Мейндорфа (sic!), который в первый раз слышал игру Балакирева <...> Бар<он> Мейндорф выразил свое удивление и восторг, что у Юлии Петровны в доме такое поклонение Листу, какое ему не пришлось встретить в Петербургском обществе. «Я так этим восхищен, сказал он, что мне кажется, что я сегодня в Веймаре»» [11, л. 12 об.], — воспроизвела в своих воспоминаниях вдохновенную атмосферу этого действа Саломея Лалаева. С этого памятного вечера, и, несомненно, с легкой руки молодого барона Мейндорфа завсегда стали называть дом Пыпиных «нашим музыкальным Веймаром», а кружок соответственно — «Веймарским». Кстати, это название очень понравилось и Балакиреву,

так что он впоследствии всегда называл его только «Веймарским». Кружок завсегдатаев всегда собирался к приходу Милия Алексеевича. Потом он даже стал присылать программку намеченных им к исполнению на следующий день пьес.

Культурный очаг дома Пыпиных настолько был дорог и близок М.А. Балакиреву, что именно здесь он решил отметить важную для него дату — сороколетие со дня его первого публичного выступления на Университетском концерте, где он исполнял свое Concert-Allegro с оркестром под управлением Карла Шуберта. В этот знаменательный день — 12-го февраля 1896 г. — он попросил Юлию Петровну собрать на свой праздник всех «веймаровцев»: «Мне хочется этот вечер отпраздновать у Вас, — обратился он к ней, — и буду играть Вам свои сочинения <...> Где же, как не у Вас мог я праздновать свой 40-летн<ий> юбилей? Это совершенно понятно, иначе быть не могло!» [11, л. 17].

В своих воспоминаниях С.Н. Лалаева искренне писала: «В дорогом доме друзей моих Юлии Петровны и Александра Николаевича Пыпиных познакомилась я с Милием Алексеевичем Балакиревым. Слышала от Юлии Петровны о нем как о большом художнике и симпатичном человеке. При первых звуках игры я поняла, что это музыка выдающаяся» [11, л. 3]. Как человек, по ее мнению, он раскрывается через письма. «Сколько у него было духовной силы, энергии и спокойности к борьбе — это удивительно... Он часто слишком резок и строг в своих суждениях о людях — но я думаю он пишет правду», — делилась Саломея Николаевна своими наблюдениями о нем в письме Вере Александровне [11, л. 4]. Во многом солидаризуясь с Лалаевой в оценках знаменитого композитора, Вера Александровна писала о нем: «...большая сильная личность был Милий. Талант несомненный, творчество незаурядное, но властность столь великая, что столкновение с силами музыкальными, развертывавшимися и самобытными оказалось таким глубоким и таким острым, что это испытание захватило Милия» [8, л. 73].

Члены семьи Пыпиных познакомились с М.А. Балакиревым в 1875 году, и это был, пожалуй, самый тяжелый период в его судьбе, когда он был отстранен от руководства Российским музыкальным обществом и работал кассиром на Варшавской железной дороге. Однако совсем проститься с музыкой он был не в силах, и чтобы хоть как-то приобщиться к любимому делу, давал частные уроки. Жил он в то время в конце Невского проспекта, в доме Д.Е. Бернардаки. Вера Пыпина вспоминала, как мамина сестра, Мария Петровна, ездила брать уроки к Балакиреву, взяв с собой племянницу, и представляла ее композитору как свою ученицу. В памяти девочки запечатлелся интерьер комнаты, в которой жил Милий Алексеевич. Эта комната показалась тогда ей мрачной из-за недостатка света, а также из-за темной обивки мебели зеленым репсом. Позднее, когда она была в гостях у композитора уже в его собственной квартире, то ей запомнился другой интерьер его комнаты: голубая, яркая обивка мебели и голубые стеклянные шары на лампах. «Очевидно, этот цвет ему нравился» [8, л. 73об.], — сделала она вывод.

Впоследствии, когда М.А. Балакирев стал часто бывать у Пыпиных, мать Веры, Юлия Петровна, обладавшая мягким, чутким характером, сразу дала почувствовать Милию Алексеевичу, что в их доме он найдет внимание и самое сердечное сочувствие ко всем его затруднениям, не говоря уже о его главном интересе — музыке. Вера отмечала, что его толкование музыкальных произведений глубоко западало в душу, и «если он не мог быть назван виртуозом, то был настоящим музыкантом — не было ничего, что он моментально вам бы не сыграл. Он мог знакомить с музыкальной вещью уже на следующий день, если даже на ночь просмотрит только что полученную партитуру, играя ее экспромтом» [8, л. 74].

Также не ускользнуло от пристального взгляда Веры Александровны и то обстоятельство, как благотворно влияла обстановка в их доме на Милия Алексеевича. Он, буквально, «оттаивал словно тяжелая оболочка сходила с него» [8, л. 74], — точно и образно подметила она. Поначалу Балакирев приходил в 7 вечера, и уже в 9 часов срывался, будто боялся,

что кто-нибудь его застигнет, а впоследствии становился все более спокойным и мягким, оставаясь у Пыпиных вплоть до двенадцати часов ночи. Играл он народные гармонизированные им напевы, по преимуществу, восточные, а также исполнял произведения своих любимых авторов. Беседуя с присутствующими, он любил говорить о Кавказе, который на него произвел большое впечатление. Юлия Петровна, в благодарность за концерты, которые Балакирев давал в их доме, переводила для него иностранные музыкальные заметки, а также письма, получаемые им от заграничных друзей. Вставала Юлия Петровна рано, чтобы побыстрее сделать эту работу, а он был нетерпелив. Если была малейшая задержка доставки ему переводной корреспонденции из-за почты на час или два, он уже запрашивал открыткой, получили ли его письмо, так нетерпеливо он ждал переводы Ю.П. Пыпиной [Там же]. Пожалуй, лучше всего передают особую атмосферу пыпинского дома и его литературно-музыкальных вечеров проникновенные слова Саломеи Лалаевой: «С какой любовью и благодарностью вспоминаю я эти вечера, — вспоминала она, — этот дорогой дом, где было столько поэзии, просвещения, столько ласки, душевной теплоты и свободы. Этот милый зал с 2-мя роялями, по стенам портреты великих художников музыки и литературы. Сколько зелени, солнца и света, сколько музыки — и какой музыки!!» [11, л. 13].

В 1886 году выдающийся философ и литератор Владимир Сергеевич Соловьев начал печатать в «Вестнике Европы» свои статьи и стихотворения, а несколько позднее — в 1889–1890 гг. он постепенно сдружился с сотрудниками журнала, среди которых был и А.Н. Пыпин. Это стало отправной точкой их дальнейшего более близкого знакомства. С этого момента Владимир Сергеевич стал бывать у Пыпиных по воскресеньям на обедах, ужинах в наиболее свободное для него время. В 1895 г. интеллектуальное и культурное пространство литературно-музыкального салона Пыпиных расширяется. Этот момент наступил тогда, «когда мы с мужем (Беренштамом. — Ю.В.) поселились на отдельной квартире и по вторникам у нас собирались друзья и знакомые, то нередко заглядывал к нам и Владимир Сергеевич. Сидят они с отцом за шахматами, вокруг идет веселая болтовня, поются романсы, ставятся шарады...» [5, с. 124], — вспоминала Вера Александровна. Преемственность этих встреч, которые получили название «Вторники», идет от так называемого «Веймарского» кружка, уютно подвизавшегося в квартире А.Н. Пыпина. Следует подчеркнуть, что одной из характерных культурных новаций «Вторников» стали альбомы, которые явились, по сути, уникальным домашним журналом, на страницах которого были запечатлены заметки, стихотворения, рисунки, а также вложены телеграммы, открытки, фотографии, «Альбомы — интереснейший документ, являющийся не просто свидетельством необычайно дружеских, близких отношений между людьми, но и уникальным образцом салонной культуры конца XIX века, представляющий срез целой эпохи, — отмечает Д.Л. Морозова. — Альбомы представляют собой не воспоминания или мемуарные заметки, но «живой» источник, создававшийся имманентно событию» [3, с. 6].

Первый из альбомов датируется 1895 г., и это время как раз совпадает с появлением на литературно-музыкальных вечерах «Вторники» В.С. Соловьева. Он с удовольствием принимал в них участие: оставлял автографы, короткие подписи [4]. В фондах саратовского музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского сохранились альбомы «Вторники», в одном из которых имеется немного ироничная, оригинальная запись Владимира Соловьева: «В день болезни М.Н. Чернышевского был и от огорчений подписался левой рукой Владимир Соловьев». Ниже, в пик своей образной заметки философа, последовал созвучный его шутливому тону ответ Михаила Николаевича, младшего сына Н.Г. Чернышевского: «Болезнь моя продолжалась 55 минут, и пока результаты ее выразились в том, что я стал завидовать лаврам Владимира Сергеевича в писании левой рукой и нацарапал каракули» [4, л. 5].

Несмотря на дружескую, душевно-раскрепощенную атмосферу беренштамовских «Вторников», в некоторых случаях на них возникало необычное напряжение, секрет

которых раскрыла Вера Пыпина. Она вспоминала, что, пользуясь воскресным досугом, у них очень любила собираться молодежь. Их приятели и приятельницы, привыкшие чувствовать себя на «Вторниках» совсем непринужденно, бывали не очень довольны, когда в их компании появлялся мудрый и серьезный В.С. Соловьев. «Соберутся, и вот извольте: целый обед сидеть молча, слова не проронив, потому что обмениваться какими бы то ни было впечатлениями в присутствии Владимира Сергеевича, к которому мы чувствовали особенно почтительное уважение, казалось нам невозможным, — вспоминала В.А. Пыпина. — Еще хорошо, если он и отец ведут интересную, хотя подчас и малоодушевленную для нас беседу, а случалось — и притом весьма часто, — что оба погружаются в глубокое раздумье, занятые своими мыслями. Они способны были не замечать окружающего, а для нас это становилось настоящей пыткой. Концу обеда мы радовались, как освобождению от неволи» [5, с. 128].

А.Н. Пыпин называл В.С. Соловьева своим младшим другом. Вера Александровна вспоминала, что память у «младшего друга» отца была поразительная: «Он сам говорил, раз услышав, он мог цитировать длинейшее стихотворение» [Там же]. Даже в последние годы его жизни, когда память была уже не так остра, с ним случился один случай, описанный ею в дневнике «Воспоминания, мысли и настроения». Как-то по дороге в Царское Село он встретил в вагоне знакомого, который прочел Соловьеву длинное французское стихотворение. На станции они распрощались. Прошло две недели, и вот они еще раз встретились. Знакомый сетовал, что забыл стихотворение, а прочесть негде, так как оно не напечатано. Владимир Сергеевич тотчас же прочел стихотворение слово в слово. Соловьев рассказывал, что в детстве память у него была редкая. Не зная ни слова по-гречески, он воспроизводил по памяти все, что заучивал наизусть старший брат, который учил уроки в соседней комнате [6, л. 57]. Вера Пыпина, наблюдая за отношениями двух выдающихся ученых — отца и Владимира Соловьева, подметила: «Это были люди различного миропонимания в строго философском смысле этого слова, различных поколений и разного круга, оба они были кристально ясны душой и доверчивы, как дети. Именно это их роднило» [6, л. 58]. С большой грустью и печалью воспринял печальное известие А.Н. Пыпин о том, что из жизни ушел его «младший друг». По свидетельству дочери, он долго потом не мог прийти в себя, а Вера Александровна, спустя 13 лет после смерти их близкого знакомого, написала о нем воспоминания, ставшие ценным историческим источником, дополняющим интересные штрихи к образу великого мыслителя [5].

ВЫВОДЫ. Литературно-музыкальные вечера и, в частности, «Веймарский кружок» в доме академика А.Н. Пыпина, а также «Вторники» в доме его дочери — Веры Александровны, стали, несомненно, неотъемлемой и яркой страницей интеллектуального и культурного пространства столицы поздней имперской России. Пыпинские вечера и беренштамовские «Вторники», на наш взгляд, являются оригинальными образцами салонной культуры Санкт-Петербурга второй половины XIX — начала XX вв., демонстрирующими многоплановый и содержательный пласт умственной, духовно-нравственной и культурной жизни выдающихся представителей русской интеллигенции.

Мемуарные заметки В.А. Пыпиной служат, безусловно, ценным эго-источником, позволяющим дополнить новыми штрихами историко-психологические портреты ее близких знакомых, выдающихся современников — ученых, писателей, музыкантов, художников.

Думается, что культурная, духовно-нравственная атмосфера и умственный настрой, которыми были наполнены пыпинские литературно-музыкальные вечера и беренштамовские «Вторники», сформировали у присутствовавших особое жизненное кредо и аксиологическую составляющую их мировоззрения, которые очень хорошо выразила Вера Александровна Пыпина: «Если рухнет самое дорогое, то «надо жить своими духовными ценностями» [7, л. 19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Л., Лисицына Н. «Великая жена великого мужа»: Мария Александровна Бокова (Сеченова). URL: https://минздрав.тверскаяобласть.рф/novosti/novosti/?print=y&ELEMENT_ID=128004&ysclid=I372w46hed (дата обращения: 11.05.2022).
2. Иванова М.Г. «Веймарский кружок». URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/balakirev_list/veimar.php?ysclid=I3cnlp20n0 (дата обращения: 12.05.2022).
3. Морозова Д. Л. Вечера на Васильевском острове. Страницы семейной истории: альбом «Вторники» 1898–1899 // Научный вестник Крыма. 2017. № 4 (9). С. 1–7.
4. Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского. Основной фонд. ОФ 4181.
5. Пыпина-Ляцкая В.А. Владимир Сергеевич Соловьев: Страничка из воспоминаний // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 122–129.
6. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 406.
7. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 415.
8. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 417.
9. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 419.
10. Ризаева Е.Н. «Добрый гений нашей семьи...»: Вера Александровна Пыпина / Е.Н. Ризаева; под науч. ред. Ю.В. Варфоломеева. Саратов Изд-во «Техно-Декор», 2020. 258 с.
11. Российская национальная библиотека. Ф. 41 (М.А. Балакирев), № 554.
12. Российская национальная библиотека. Ф. 621 (А.Н. Пыпин), № 1119.
13. Сеченов И.М. Автобиографические записки. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003744204> (дата обращения: 10.05.2022).
14. Тимофеев Г.Н. М.А. Балакирев // «Русская мысль». 1912. № 6–7.
15. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15-ти томах. М.: Гослитиздат, 1939–1953. Т. 11. 1950. 959 с.

REFERENCES

1. Ivanova L., Lisicyna N. «*Velikaya zhen a velikogo muzha*»: *Mariya Aleksandrovna Bokova (Sechenova)* [«The great wife of a great husband»: Maria Alexandrovna Bokova (Sechenova)]. URL: https://минздрав.тверскаяобласть.рф/novosti/novosti/?print=y&ELEMENT_ID=128004&ysclid=I372w46hed (data obrashheniya: 11.05.2022). (In Russian).
2. Ivanova M. G. «*Vejmarskij kruzhok*» [«Weimar circle»]. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/balakirev_list/veimar.php?ysclid=I3cnlp20n0 (data obrashheniya: 12.05.2022). (In Russian).
3. Morozova D. L. *Vechera na Vasil`evskom ostrove. Stranicy semejnoy istorii: al`bom* «*Vtorniki*» 1898–1899 [Evenings on Vasilievsky Island. pages of family history: album «Tuesdays» 1898–1899] // *Nauchny`j vestnik Kry`ma*. 2017. № 4 (9). S. 1–7. (In Russian).
4. *Muzej-usad`ba N. G. Cherny`shevskogo. Osnovnoj fond* [The Museum-estate of N. G. Chernyshevsky. The main fund]. OF 4181. (In Russian).
5. Py`pina-Lyaczskaya V. A. *Vladimir Sergeevich Solov`ev: Stranichka iz vospominanij* [Vladimir Sergeevich Solovyov: A page of memories] // *Golos minuvshego*. 1914. № 12. S. 122–129. (In Russian).
6. *Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv literatury` i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 395. Op. 1. Ed. xr. 406. (In Russian).
7. *Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv literatury` i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 395. Op. 1. Ed. xr. 415. (In Russian).
8. *Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv literatury` i iskusstva* (Dalee — RGALI). F. 395. Op. 1. Ed. xr. 417. (In Russian).
9. *Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv literatury` i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 395. Op. 1. Ed. xr. 419. (In Russian).

10. Rizaeva E. N. «*Dobry`j genij nashej sem`i...*»: *Vera Aleksandrovna Py`pina* / E. N. Rizaeva; pod nauch. red. Yu. V. Varfolomeeva. [«The good genius of our family...»: Vera Alexandrovna Pypina]. Saratov. Izd-vo «Texno-Dekor», 2020. 258 s. (In Russian).
11. *Rossiyskaya nacional`naya biblioteka* [Russian National Library]. F. 41 (M. A. Balakirev), № 554. (In Russian).
12. *Rossiyskaya nacional`naya biblioteka* [Russian National Library]. F. 621 (A. N. Py`pin), № 1119. (In Russian).
13. Sechenov I. M. *Avtobiograficheskie zapiski* [Autobiographical notes.] URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003744204> (data obrashheniya: 10.05.2022).
14. Timofeev G. N. *M. A. Balakirev* [M. A. Balakirev] // «Russkaya my`sl`. 1912. № 6–7. (In Russian).
15. Cherny`shevskij N. G. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]: v 15-ti tomax. M.: Goslitizdat, 1939–1953. T. 11. 1950. 959 s. (In Russian).